

Неизвестное произведение Василия Майкова

Опубликованные в "Полном собрании всех сочинений" А. П. Сумарокова статьи "О казни" и "Господину Пассеку: вот наш бывший разговор", как установлено В. П. Семенниковым на основании данных Архива АН СССР, были изданы отдельными листками во время последнего пребывания писателя в Петербурге в 1774 году.¹ До недавнего времени сами эти издания были неизвестны, хотя факт существования второго из них не подвергался сомнению, так как оно упоминается у В. А. Сопикова и в объявлении о продаже произведений Сумарокова, напечатанном в "Санкт-петербургских ведомостях" вскоре после смерти писателя.²

Недавно в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР при разборе вновь поступивших нешифрованных изданий XVIII века был обнаружен очень интересный конволют, состоящий из трех статей, напечатанных в 4-ю долю листа. Первые две -- "О казни" и "Господину Пассеку: вот наш бывший разговор". Каждая из этих статей, напечатанных без титульного листа, имеет отдельную пагинацию, а в конце текста находятся инициалы А. С. -- обычная сокращенная подпись А. П. Сумарокова.

Особый интерес представляет третья статья конволюта, не имеющая заглавия и пагинации и начинающаяся словами "Государь мой"; заканчивается она басней "Лисица и бобер", под которой стоят инициалы N. N. Предшествующая басне фраза построена так, что не возникает сомнения в принадлежности этого произведения автору статьи: "В дополнение сего вам прилагаю здесь следующую басенку...". Если бы автор статьи и автор басни были разными лицами, первый, естественно, должен был бы прибавить: "...басенку такого-то" или "...басенку неизвестного сочинителя". Но он обходит молчанием вопрос об ее авторе, и это свидетельствует о том, что адресату, -- а статья, по-видимому, представляет такое же письмо, как и сумароковская "Господину Пассеку: вот наш бывший разговор", -- должно было быть ясно, кому принадлежат стихи.

Поэтому можно смело считать, что автор статьи и басни -- одно и то же лицо. Автор басни известен: это -- В. И. Майков, в "Нравоучительных баснях" которого, изданных в 1767 году, она находится в несколько иной, правда, редакции.³ Была она -- опять-таки в слегка стилистически измененном виде -- напечатана и в журнале "Собрание новостей..." за сентябрь 1775 г. (стр. 122--123).

Судя по неисправленным опечаткам в статье "Государь мой", можно предположить, что это -- корректурный экземпляр, который его владелец переплел вместе с двумя статьями А. П. Сумарокова в один конволют, снабдив его общим названием, вытесненным на корешке: "3 пиесе" (!). Такое объединение, разумеется, не случайно, так как статья "Государь мой" является ответом на статью "Господину Пассеку: вот наш бывший разговор".

Ввиду большого интереса этой неизвестной статьи В. И. Майкова ее текст целесообразно ввести в научный оборот. Для уяснения смысла статьи "Государь мой" напомним, что вызвавшее ее появление письмо Пассеку представляет одно из важнейших философских произведений А. П. Сумарокова. Здесь, исходя из того, что "нет ни малейшего довода, что естество устроило нас двуножными" и что "общество и следовательно нашу силу устало нам бедность", Сумароков писал: "Ежели бы не было общежития, по необходимости ево < человека, -- М. Г. > бедности и безопасности, не имел бы он изощрения ума своего и был бы такою же скотиною: и еще многих скотов многократно глупее". Против этих, по существу материалистических взглядов Сумарокова и выступил В. И. Майков.

Вот его статья:

Государь мой!

Присланный вами ко мне напечатанный разговор г. С<умарокова> с г. П<ассеком> я прочитал, и не входя в дальнейшее то раздробление, также не касаясь сего столь славного писателя ни слога, ни мыслей, ибо всякий человек так мыслит, как его разум действует, признаюсь вам, что сравнение, а паче еще и унижение человека пред прочими тварями, населяющими землю, мне не весьма кажется справедливым. И думаю, что господина сочинителя тем не раздражу, когда изъясню вам мои мысли; в рассуждении общей связи и взаимности всех тварей, как и господин Попе во своем опыте о человеке выводит его не владыкою, но слугою всех животных, против сего я не спорю, ибо и человек столко же обязан для собственныя своей пользы служить им, и в рассуждении сего он с ними равен. Но чтоб сию словесную тварь до того унижить, что будто человек глупее многих животных и включать его в род четвероногих, на сие я не согласен. Ибо естли и случались такие из людей, которые каким-нибудь случаем с самого